

Małgorzata Kurianowicz

Białystok

Словообразовательные отличия русского церковнославянского языка от старославянского языка на материале Евангелия XVIII века. Дублиеты

Источником материала для данного исследования послужило Евангелие (далее – ЯЕ), которое до сегодняшнего дня хранится в Польше в Православном мужском монастыре св. Онуфрия в деревне Яблечна. Памятник был напечатан «во Сѣй Кієвопечерской ЛАВРѢ, въ Сѣвѣропѣтѣ тогѣже Сѣѣшаго СВНОДА, при Архімандритѣ ЗВѢГІМѢ: Въ лѣто ѿ сотвореніа міра 7279 (7279), ѿ Рѣтва же по Плоти БѢА СЛОВА аѣса (1771) Індікта Ѣ, Мѣа Марта». До 1795 года (III раздел Речи Посполитой) монастырь входил в состав киевской митрополии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что купленное или подаренное Евангелие было напечатано (1771 г.) монахами Киево-Печерской Лавры (Украина). Кроме того, до середины XVIII в. лаврская типография практически не имела конкурентов, так как ее издания пользовались популярностью не только благодаря полиграфии и иллюстрациям, но и изысканности внешнего оформления.

Вторым источником для анализа послужило Остромирово евангелие – далее ЕО (1056–1057 гг.), изданное А. Х. Востоковым в 1843 г. (репринт: Wiesbaden 1964), – один из первых памятников конфессиональной литературы, созданный на территории Руси.

Казалось бы, эти церковные книги, предназначенные для повседневного использования в церковной службе, должны быть одинаковы как по содержанию, так и в средствах выражения, потому что этого требует их святость, а также принадлежность к одной русской редакции. Однако возникают разного рода варианты¹ и дублиеты.

¹ М. Kondratiuk, *Словообразовательные отличия русского церковнославянского*

Понятие *вариант* относится к однокоренным словам. Варианты могут быть фонетические и словообразовательные. Первые возникли в результате различных локальных фонетических изменений этимологически тождественных слов. Вторые – в результате оформления одного и того же корня на различных территориях различными словообразовательными аффиксами или словоизменительными, грамматическими средствами.

Дублет – это употребление в одном и том же значении разнокоренных слов, т.е. использование разных слов для наименования одного понятия. Варианты и дублеты – явления одного порядка. Варианты – это разновидность дублетов. Как утверждает Р. М. Цейтлин² и те и другие выделяются по принципу обладания минимум одним общим значением. Однако варианты в отличие от дублетов имеют общий корень. Члены пары (или ряда) дублетов или вариантов принадлежат генетически к разным системам (языкам, говорам) и совмещение их в одной системе постепенно приводит к утрате ненужного (дублирующего) члена пары (ряда) или к появлению у одного из них новых семантических или стилистических особенностей.

Разделения на варианты и дублеты не делают в своих работах, например, Т. Friedelówna³ или Е. И. Державина⁴, которые используют только понятие вариант.

В настоящей статье проводится исследование только нескольких наиболее известных и часто употребляемых в церковной службе фрагментов⁵. На первом месте дается чтение ОЕ, на втором – ЯО.

го языка от старославянского языка на материале Евангелия XVIII века. Словообразовательные варианты, в: "Studia Wschodniosłowiańskie", Białystok 2009, № 9, с. 129–135.

² Р. М. Цейтлин, *Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв.*, Москва 1977, с. 45–46, 52–53.

³ Т. Friedelówna, *Ewangelia Ławryszewski. Monografia zabytku*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk 1974, s. 169–224.

⁴ Е. И. Державина, *О лексических и семантических старославянизмах в памятниках древнерусского языка*, в: Л. П. Жуковская, *Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому*, Москва 1987, с. 105–110.

⁵ Ев. от Луки I (ἄ): Зачатие Иоанна 5–25; Благовещение 24–38, Пророчества Елизаветы и Девы Марии относительно Христа 39–49, 56; Рождение и обрезание Иоанна 57–68, 76, 80; II (ἑ): Сретенье Господне 22–40, VIII (ἦ): Притча о сеятеле и семени 5–15, Притча о зажженной свече 16–21, Укрощение бури на озере 22–25, Иисус изгоняет легион злых духов 26–39, Исцеление женщины, страдавшей кровотечением 41–56; XV (ἑι): Притча о блудном сыне 11–32; XVII (ἦι): Притча о фарисее и мытаре 10–14; XIX (ῥα): Притча о Закхее 1–10; XXIV (ῥα): Воскресение Христово 1–12, Вознесение Господне 36–53.

Сопоставительный анализ Евангелий XVIII и XI вв. выявил, что большую группу составляют **фразовые дублеты**, в которых глагол вытесняется семантически тождественным словосочетанием (в качестве вкрапления выступает не одно слово, а целая связная фраза⁶):

именемъ – **ѣмъ же имѧ** (VIII:41);

не ѡвѣстѧ – **не ѡвлено бѣдетъ** (VIII:17);

сѣмъбраманѧ – **смирѧй же себѣ** (XVIII:14);

Возможным является также обратное явление, т. е. вытеснение фразы одним глаголом о синонимическом или похожем значении:

не бѣдетъ познано – **не познаетсѧ** (VIII:17);

не имѣахъ вѣры – **не вѣровахъ** (XXIV:12);

вѣрж не мажъ – **вѣрѣютъ** (VIII,13);

да не вѣры имѣше – **да не вѣровавше** (VIII,12);

ѡспени бѣдѣтъ – **спасѣтсѧ** (VIII,12);

Из приведенных примеров вытекает, что для ЯЕ характерно преобладание глаголов над словосочетаниями, когда для ЕО – словосочетаний над глаголами. Такое распределение подтверждает мнение А. Szulc⁷, согласно которому характерной чертой памятников XIV–XIX вв. является замена фразы глаголом; обратное же явление появляется в них очень редко (в ЯЕ только 3 примера).

Самую большую группу составляют **обратные дублеты**, т. е. когда первый и второй член пары меняются местами, при этом все функции членов пары остаются теми же⁸:

плода творѧтъ – **свершаютъ плода** (VIII:14);

пѧтъ мѣщъ – **мѣщъ пѧтъ** (I:24);

дѣвоионадесѧте лѣтоу – **лѣтъ двоюнадесѧте** (VIII:42);

изидоша бѣси – **бѣси изидоша** (VIII:35);

падъшекъ въ трънни – **въ тренѣи падшее** (VIII:14);

сѣдѧща чѣвка – **человѣка сѣдѧща** (VIII:35);

осмидесѧтъ і четыре лѣтъ – **лѣтъ осмьдесѧтъ і чѣтыри** (II:37);

въшесты же мѣсѧцъ – **въ мѣсѧцъ же шѣстый** (I:26);

на земли добръ – **на добръй земли** (VIII:15);

нощъ и днь – **днь и нощъ** (II:37);

⁶ М. И. Чернышева, *Вопросы об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты»*, «Вопросы языкознания» 1944, № 2, с. 100–107.

⁷ А. Szulc, *Leksykalne i słotowórcze zróżnicowanie cerkiewnosłowiańskich psalterzy redakcji ruskiej z XI–XIX wieku. Część II. Zróżnicowanie słotowórcze*, Toruń 2001, с. 76–77.

⁸ М. И. Чернышева, *Вопросы об истоках...*, с. 100–107.

чѣто ти имѧ кстѣ – что ти естѣ имѧ (VIII:30);
 вамѣ дано кстѣ – вамѣ естѣ дано (VIII:10);
 кстѣ же притѣча си – естѣ же сѧ притѣча (VIII:11);
 рыдахѣ же вси и плааааахѣсѧ – плааааахѣсѧ же вси и рыдахѣ (VIII:52);
 подобакѣ ми въ домоу твою быти – въ домѣ твоёмъ подобаетъ ми быти (XIX:5);
 ни отъ кдиноаго же може исцѣлѣти – и не возможе ни Ѡ единого исцѣлѣти (VIII:43);
 имѣ ѡ за ржж – имѣ за ржж ѡ (VIII:54);
 сътвори мѣнѣ – мѣнѣ сотвори (I:24);
 оба правѣдѣна – правѣдѣна оба (I:6);
 се бѣдетъ целованик – бѣдетъ цѣлованіе сѣ (I:29);
 се мѣнѣ – мѣнѣ сѣ (I:43);
 притѣча си – притѣча сѧ (VIII,10), сѧ притѣча (VIII:11);
 въ заповѣдехѣ всѣхѣ – во всѣхѣ заповѣдехѣ (I:6);
 разгнѣваѣхѣ же сѧ – разгнѣваѣхѣсѧ же (XV:28);
 молиаше же сѧ – молиашесѧ же (VIII:38);
 оуболаѣше же сѧ – оуболаѣхѣсѧ же (XXIV:37);
 отъверзоша же сѧ – Ѡверзошасѧ же (I:64);
 ѡбви же сѧ – ѡбвѣсѧ же (I:11);
 молихѣти сѧ – молюсѧ ти (VIII:28);

Такое большое количество обратных дублетов указывает на то, что язык переводов характеризовался свободным порядком слов, который

... не имел грамматического значения и использовался, прежде всего, как способ выделения члена несущего основную смысловую нагрузку⁹.

Надо однако подчеркнуть факт, что в исследуемых текстах функционирует разный «переводческий» принцип писать частицу **же**: или перед **сѧ** (ОЕ), или после **сѧ** (ЯЕ). Отмечается также различие в позиции морфемы **сѧ** по отношению к глаголу. В ЯЕ она функционирует непосредственно после глагола (как это имеет место и в русском языке), когда в ЕО сохраняются случаи ее дистантного расположения. И хотя в старославянском (также церковнославянском) языке свободное словорасположение, переводчики устанавливали свои собственные

⁹ Г. А. Хабургаев, *Старославянский язык*, Москва 1974, с. 241; M. Wronkowska, *Konstrukcja podwójnego przeczenia w Czteroewangeliarzu Przemyskim*, "Rocznik Slawistyczny" 1981, t. XLII, cz. 1, с. 37–43.

переводческие правила (может быть, связанные с греческим образцом) и последовательно их соблюдали.

Сопоставительный анализ показал, что с XI в. евангельский текст подвергался изменениям. В возникающих одна за другой копиях и редакциях эти изменения накапливались и распространялись в богослужебных книгах. Результатом этого являются обнаруженные в Яблочинском памятнике XVIII в. дублиеты. Некоторые из них (замена фразы одним глаголом, правописание частицы **же**, позиция морфемы **сѧ**) носят характер постоянных изменений. Причины появления дублетов могли быть разные: базирование на разных греческих текстах «оригиналах», применение переводчиком тех принципов, которые были в какой то степени укоренившимися не в староцерковнославянской, а уже в церковнославянской традиции и лучше подходили к контексту (наиболее точно передавали смысл, изначально заданный греческим текстом).

DERIVATIONAL DIFFERENCES BETWEEN RUSSIAN CHURCH SLAVONIC
AND OLD CHURCH SLAVONIC ON THE BASIS OF JABLECZYŃSKA GOSPEL
(18th CENTURY). DOUBLET'S

S U M M A R Y

The article deals with the problem of doublets distinguished from two Old-Church-Slavonic texts: Jableczyńska Gospel (18th century) and Orthodox Ostro-mira Bible (11th century). The analysis showed that the differences in distribution of the separate doublets are not significant: Jableczyńska Gospel is in keeping with Old-Church-Slavonic tradition. Some of the distinguished differences became regular changes and they can be a basis for statement that the new derivational tendency has just appeared. However, most of these changes reflect the lack of stability in the choice of devices.